

Зифа Темиргазина

Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана, Казахстан

КАЗАКИ И КАЗАХИ: КОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ПОЭМЕ *СОЛЯНОЙ БУНТ* ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА

Cossacks and Kazakhs: The Colonial Discourse in Pavel Vasiliev's *Salt Riot* Poem

ABSTRACT: The study of colonial discourse in belles-lettres fiction in the context of the “great time” (M. Bakhtin) allows us to trace its connections with the historical and cultural past, with today’s realities and find a connection with future events. Particularly interesting in this regard is the Russian colonial discourse, which claims a special place in history that distinguishes it from the colonial discourses of other empires. The poem by the poet Pavel Vasiliev, who was repressed in 1937, reflects imperial ideologemes relating to the Asian frontier – the Kazakh-Russian transboundary. The colonial discourse in the poem is built on the opposition ‘COSSACKS – KAZAKHS’, which is an implementation of the opposition ‘OWN – OTHER’. In the conditions of the frontier the image of the OTHER is transformed into the image of the ENEMY. The Cossacks, the defenders of the imperial borders, brutally suppress the revolt of the Kazakhs working in salt mining. They act under the slogan-ideologemes of defending the fatherland, the tsar, and Orthodoxy. The description of this suppression is distinguished in the poem by naturalistic details, which are not of the author’s imagination, but an image of information heard from others. The author conveys the attitude of the Cossacks to the murder of unarmed women, children, old people, as a revelry, fun, using the technique of the “carnivalization” of a terrible, awful event. The author shows sympathy and pity for the victims of the massacre and presents the Cossacks as ruthless killers and robbers.

KEYWORDS: Pavel Vasiliev, salt riot, a colonial discourse, Cossacks, Kazakhs, Asian frontier, opposition

Введение

Колониальный дискурс в литературе исследуется преимущественно в произведениях британских, американских, французских, испанских авторов. На русской литературе и литературе постсоветских стран в этом отношении лежит некое табу, причиной которого является концепция своеобразия российского колониализма¹.

---

¹ V. Tolz, *Russia's own Orient: The politics of identity and Oriental studies in the late imperial and early Soviet periods*, Oxford, New York 2011.

Идея об особой миссии России в развитии мировой цивилизации, маскирующая колонизаторскую сущность Российской империи и Советского Союза, казалась привлекательной многим ученым-литературоведам. Юрий Лотман писал: «Россия мыслится как третья, срединная сущность, расположенная между ‘старой’ Европой и ‘старым’ Востоком. Именно срединность ее культурного (а не только географического) положения позволяет России быть носителем культуры синтеза»². Элеонора Шафранская отмечает отторжение в российской академической среде терминов колониального дискурса применительно к русской литературе, они воспринимаются как антирусские метки. Исследовательница предлагает ученым работать над методичным внедрением их в научный дискурс о русской литературе³. Роберт Джераси также полагает, что исследования проблемы русификации, обрусения и ассимиляции в сфере культуры в России являются достаточно поверхностными⁴.

Однако в последние десятилетия в литературоведении стали находить отражение концепции колониального, неоколониального, постколониального дискурсов в русской литературе. Так, в специальном выпуске польского журнала⁵ рассматриваются произведения русской литературы, вдохновленные постколониальным мышлением. Илья Кукулин исследует процесс формирования постколониального сознания в русской литературе советского и постсоветского времени 1970–2000 гг.⁶. Богуслав Бакула анализирует развитие российской постколониальной темы в литературе более позднего периода 2000–2018 гг.⁷. Эва Томпсон обосновывает тезис о системном, последовательном отражении колониального мышления в русской классической литературе от Александра Пушкина до Александра Солженицына⁸. Пиотр Фаст в своей статье пытается найти ответ на вопрос, позволяет ли литература России объяснить, что привело

---

² Ю.М. Лотман, *Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова*, [в:] *Лермонтовский сборник*, Ленинград 1985, с. 22.

³ Э.Ф. Шафранская, *О русском ориентализме, «русском мире» в колониальной литературе и их переосмыслении в литературе постколониальной*, „Новое литературное обозрение” 2020, № 161 (1), с. 203, [в:] https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21984/ (22.12.2022).

⁴ Р. Джераси, *Окно на Восток. Империя, ориентализм, нация и религия в России*, пер. с англ. В. Гончарова, Москва 2013, с. 24–25.

⁵ *Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze. Praktyki postkolonialne w literaturze rosyjskiej*, t. 28, red. B. Pawletko, A. Polak, Katowice 2018.

⁶ И.В. Кукулин, *“Внутренняя постколонизация”: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970–2000 годов*, „Политическая концептология” 2013, № 2, с. 144–184.

⁷ B. Bałucka, *Rosyjska dyskusja postkolonialna w latach 2000–2018*, „Miscelanea Posttotalitarna Wratislaviensia” 2020, t. 8, s. 235–265.

⁸ Книга Томпсон переведена на польский и украинский языки: E. Thompson, *Trubadurzy imperium. Literatura rosyjska i kolonializm*, przeł. A. Sierszulska, Kraków 2000; E. Thompson, *Трубадури імперії. Російська література і колоніалізм*, пер. з англ. М. Корчинської, Київ 2006, [в:] <http://litopys.org.ua/thompson/tom.htm> (21.12.2022).

к распространению неоимперских и милитаристских настроений в этой стране, можно ли найти в ней какие-либо доказательства или поощрения такого рода мышления⁹.

Э. Томпсон характеризует русский национализм как агрессивный, направленный на экспорт национальной идентичности и завоевание земель, на которых живут Другие. Русская литература принимала активное участие в этом процессе, распространяя на завоеванных территориях нарратив российского присутствия и вытесняя их собственную историю и литературу¹⁰. Томпсон отмечает символизм фразы «русский флаг над белой Хивой» из стихотворения *Туркестанские генералы* Николая Гумилева в колониальных нарративах о Средней Азии, полагая, что в шовинизме империй, который на протяжении столетий поглощал, аннексировал и уничтожал более слабые народы, редко встречаются фразы, которые бы так полно выражали стремление властвовать и склонность к насилию¹¹.

Российский колониализм отличался от других географической близостью к колонизированным народам, что создавало трансграничные территории – фронтиры, на которых колонизаторы тесно контактировали с колонизированными, происходило смешение культур и языков, порождались «фронтирные тексты»¹².

Сергей Абашин задается непростым вопросом об отсутствии академического интереса к теме колониализма в российских литературоведческих кругах:

Почему тема колониализма оказалась ненужной и неинтересной? Почему тема завоевания, жертв среди покоренных народов, их неравного статуса в составе империи [...] была спрятана в пространные рассуждения о художественных достоинствах и этнографическом реализме, об ‘особом пути’ России и особенностях русского национального самосознания, об универсальных ценностях пацифизма и прогресса?¹³

И далее сам же отвечает на этот вопрос: «Самый простой способ забыть о колониальной истории – просто вычеркнуть ее из памяти или оставить только то, что выглядит героическим и позитивным, избирательно представляя факты прошлого»¹⁴.

⁹ P. Fast, *Rosja: imperium i literatura*, „Przegląd Rusycystyczny” 2022, nr 4, s. 165.

¹⁰ Е. Томпсон, *Трубадури імперії...*, с. 179.

¹¹ Там же, с. 179.

¹² Это термин А. Малиновського (*Харківський текст української літератури в контексті фронтирної ідентичності* (Г. Квітка-Оснів'яненко), „Slavia Orientalis” 2022, t. LXXI, nr 1, s. 38).

¹³ С. Абашин, *Верецагин без колониализма: как постсоветская Россия не отмечает 150-летие завоевания Средней Азии*, „Новое литературное обозрение” 2020, т. 161, № 1, [В:] https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21985/ (20.12.2022).

¹⁴ Там же.

Цель нашего исследования – анализ колониального дискурса в поэме Павла Васильева *Соляной бунт*, написанной в 1933 году. Выдающийся советский поэт Павел Николаевич Васильев (1910-1937) родился в Казахстане в провинциальном городке Зайсан, детство вплоть до 17 лет он провел в Павлодаре, куда перевели его отца, учителя гимназии. В 1929 году Павел поехал покорять литературную Москву. За несколько лет, благодаря своему таланту, он сумел войти в плеяду молодых, подающих надежды поэтов, регулярно публикуя свои произведения в журналах «Новый мир», «Сибирские огни» и т. д. В 1937 году был арестован НКВД по обвинению в организации покушения на Сталина в составе «сибирской бригады» и расстрелян 16 июля 1937 года. Выросший в условиях казахско-русского трансграничья, в мультикультурной среде, он впитал в себя русскую, казачью и казахскую степную культуры. Хорошо знал казахский язык, казахский фольклор, традиции и обряды¹⁵.

В 20-30-е годы XX века в СССР была провозглашена социалистическая практика нациестроительства, которая включала формирование антиколониального облика страны и установление формального равенства входящих в Советский Союз коренных народов, борьбу с великодержавным шовинизмом. В литературе происходит замена ориенталистской риторики на классовую, пролетарскую. Большую роль в этом сыграл Максим Горький, который считал, что литература в имперский период относилась к инородцам снисходительно, смотрела на них сверху вниз¹⁶. «Среди граждан советского государства важно было утвердить единство, чувство классовой солидарности: ‘Мы с вами разных национальностей, но сердце у нас рабочее одно’. Национальная идентичность в советском государстве должна отойти на второй план...»¹⁷.

Таким образом, в поэме Васильева перед читателями должно было предстать эпическое полотно классовой борьбы рабочих-казахов на соляных приисках и подавление рабочего восстания казаками-защитниками царской России, которых призвали на помощь угнетатели-хозяева. Оппозиция **свой – другой** трансформировалась бы в классовую оппозицию **рабочий – казак**. Эта эпическая картина была бы вполне в духе советских идеологов тридцатых годов.

Хотя Павел Васильев осознавал необходимость воплощения идеологически выдержанной концепции, у него была своя точка зрения на эту ситуацию, продиктованная его внутренним художественным чутьем. Кровавое и беспощадное подавление иртышскими казаками станицы Атбасар бунта казахских рабочих на

¹⁵ См.: Н.В. Попова, *‘Родовое начало’ в поэзии Павла Васильева*, «Проблемы исторической поэтики» 2014, № 12, с. 474; З.К. Темиргазина, Ж.Б. Ибраева, *Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева)*, «Вестник Томского государственного университета. Филология» 2021, т. 72, с. 292; Н. Попова, *‘Родовое начало’ в поэзии Павла Васильева*, «Проблемы исторической поэтики» 2014, pp. 471-481.

¹⁶ М.А. Горький, *О литературе: статьи и речи 1928-1935 гг.*, Москва 1935, с. 52.

¹⁷ И.А. Фомин, *Ориенталистский дискурс в раннесоветской художественной литературе о Средней Азии*, «Кунсткамера» 2021, вып. 4, № 14, с. 37-51.

соляных копиях в начале XX века предстает в поэме *Соляной бунт* в колониальном контексте. Обстоятельствами написания поэмы *Соляной бунт* Васильев поделился со своей первой женой Галиной Анучиной в письме от 10 марта 1933 года:

За этот месяц, пока мы с тобой не виделись, я написал около 4-х тысяч строк (разбитых, правда). Это новая поэма. Она называется ‘Соляной бунт.’ Помнишь, у меня была ‘Свадьба’. Так вот из этой ‘Свадьбы’ выросла первая глава поэмы, а потом на редкость удачно развернулось все остальное. Сюжет поэмы: усмирение казаками киргизского бунта на Соляных озерах. Об этой поэме говорит сейчас вся литературная Москва, – ее расценивают значительно выше ‘Песни...’ с художественной стороны, не говоря уже об идеологической¹⁸.

С поэмой *Соляной бунт* тематически связана первая поэма Васильева *Песня о гибели казачьего войска* (1929-1930). Ее тираж был уничтожен из-за ареста автора, которого обвинили в симпатиях к казакам – врагам советской власти: «После ‘Песни о гибели казачьего войска’ рапповцы¹⁹ поносили Павла Васильева как певца белоказачества. В ‘Соляном бунте’, где он жестоко клеймит казаков, бдительные литературные критики всё равно углядели поэтизацию казацкой жизни и реакционную окраску»²⁰. Васильева называли кулацким поэтом, враждебно настроенным по отношению к социалистической идеологии и выпадающим из мейнстрима раннесоветской литературы²¹. Таким образом, его надежды на успех поэмы, несмотря на ее высокий художественный уровень, не оправдались.

Реабилитация Павла Васильева Верховным Судом СССР в 1956 году, а затем публикация в конце шестидесятых годов его произведений вызвали новую волну интереса к творчеству поэта. С 1960 по сегодняшнее время казахстанские и российские ученые написали несколько диссертаций по творчеству Васильева²². Поэме *Соляной бунт* посвящено несколько специальных работ²³, в которых традиционно редуцируется колониальная тематика.

¹⁸ П.Н. Васильев, *Собрание сочинений*, т. 2..., с. 480.

¹⁹ Рапповцы – члены Российской ассоциации пролетарских писателей, созданной после революции в 20-е годы.

²⁰ В. Михайлов, *Сердце нараспев (К 100-летию Павла Васильева)*, 2005, с. 23, [в:] <http://bibliotekar.kz/serdce-naraspev-valerii-mihailov/serdce-naraspev.html> (09.12.2022).

²¹ Н. Степанов, *Рецензия на поэму П. Васильева “Соляной бунт”*, «Литературный современник» 1954, № 4, с. 151.

²² См., например: В.И. Хомяков, *Художественная картина мира в творчестве П. Васильева: из истории мировоззренческих и стилевых исканий в русской поэзии 1920-1930-х годов*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Московский государственный университет им. М. Ломоносова, Москва 2007.

²³ Н.А. Вилор, *“Соляной бунт” Павла Васильева и особенности поэзного жанра в поэзии начала 30-х годов*, [в:] «Вопросы русской литературы. Ученые записки» 1970, т. 56, с. 3-12, Омск;

Методы и материал

Текст поэмы *Соляной бунт* цитируется по двухтомному собранию сочинений Васильева²⁴. Для анализа используется историко-литературный метод, основанный на погружении содержания литературного произведения в историческую эпоху и принципе их взаимообусловленности²⁵. Михаил Бахтин ввел понятие «большого времени», основанное на необходимости восприятия произведения в широком историко-культурном контексте, который позволяет проследить скрытые «опорные» динамические линии, ведущие к этому событию из прошлого и исходящие от него в будущее²⁶.

Схема историко-литературного анализа колониального дискурса поэмы выглядит так:

Рис. Историко-литературный анализ, примененный в статье.

С. Смелякова, *Характер и мистика. По поэмам П. Васильева “Песня о гибели казачьего войска” и “Соляной бунт”*, «Простор» 1991, № 10, с. 184-187, Алма-Ата 1991; Н.В. Попова, *Элементы семейной обрядовой поэзии в эпической поэме П. Васильева “Соляной бунт”*, «Вестник МГОУ. Серия: Русская филология» 2014, № 6, с. 100-106; Е.В. Рубцова, *Выражение нравственно-эстетической позиции П. Васильева в поэме “Соляной бунт”*, «Современные проблемы науки и образования» 2015, т. 1, № 1, [в:] <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18467> (16.12.2022); С.Г. Галаганова, *Поэма Павла Васильева “Соляной бунт”: художественное своеобразие и исторический контекст*, «Казачество, Геополитика и патриотическое воспитание» 2020, № 46, с. 42-59.

²⁴ П.Н. Васильев, *Собрание сочинений*, т. 1. *Стихотворения*, Алматы 2009; П.Н. Васильев, *Собрание сочинений*, т. 2. *Поэмы. Проза. Письма*, Алматы 2009.

²⁵ И. Бруненице, Л. Сидяков, *Методология и методика историко-литературного исследования*, «Вопросы литературы» 1985, № 2, с. 268-72.

²⁶ М. Бахтин, *Ответ на вопрос редакции “Нового мира”*, [в:] М. Бахтин, *Собрание сочинений*, т. VI, Москва 2002, с. 454-455.

Результаты и дискуссия

1. История колонизации казахского Прииртышья в поэме *Соляной бунт*

В начале поэмы Васильев воссоздает историю военной колонизации Прииртышья и Северного Казахстана, которую осуществил атаман Ермак и уральские казаки:

Эти стаи привел на Иртыш Ермак,
Здесь они карагач на костры вырубали
И селились станицами возле зеленой волны,
Тыня, крепости называли по-рыбы и птичьи, –
Так возникли Лебяжье, Черлак и Гусиная Пристань.
На буграх прииртышских поджарые кони паслись
Этих лыцарей с Яика, этих малиновых шапок,
Этих сабель свирепых и длинных пицалей...²⁷

Васильев показывает, что это не было добровольным присоединением, казахские степи были завоеваны с помощью казацких «сабель свирепых и длинных пицалей». Уральских казаков поэт иронично называет «эти лыцари с Яика» и использует негативно-оценочную метафору стаи в значении ‘волчьи стаи’. Елена Рубцова высказывает иное мнение: у Павла Васильева «само историческое действие и его участники представляются не в сниженном плане, скорее, наоборот, – на уровне рыцарской доблести и даже подвига»²⁸. Это не удивительно, так как героизация деяний колонизаторов, и Ермака в том числе, имеет длительную традицию в российской науке. Однако современные историки напоминают о том, что российские ученые Павел Небольсин, Герард Миллер и др. еще в XVII веке оценивали деятельность Ермака весьма негативно, называя его вором и разбойником²⁹. Присоединение Сибири характеризовалось ими как «завоевание», «колонизация», «покорение». Однако в 40-70-е годы XX века в периоды культа личности Сталина, волюнтаризма, застоя в СССР произошло изменение научной риторики, когда понятие «завоевание» стало заменяться терминами «освоение», «добровольное присоединение»³⁰.

Богатые земли сразу осваивались русскими купцами, которые «Шли на юг и на север, искали в горах серебро, / И косили зверье, и людишек вповалку косили. / Вознесли города над собой – золотые кресты»³¹. Захват земель разру-

²⁷ П.Н. Васильев, *Собрание сочинений*, т. 2..., с. 56.

²⁸ Е.В. Рубцова, *Выражение нравственно-эстетической позиции...*, с. 4.

²⁹ Е.З. Макен, С.И. Ибраев, *Правда и мифы о Ермаке в трудах М.К. Козыбаева*, [в:] *Материалы конференции 'Козыбаевские чтения-2006'*, т. 1, Петропавловск 2006, [в:] <https://e-history.kz/ru/seo-materials/show/29882> (02.01.2023).

³⁰ Е.З. Макен, С.И. Ибраев, *Правда и мифы о Ермаке...*

³¹ П.Н. Васильев, *Собрание сочинений*, т. 2..., с. 59.

шал кочевое скотоводство, превращал казахов в дешевую рабочую силу для соляного производства и добычи руды: «А кочевники согнаны были к горам и озерам, / Чтобы соль вырубать и руду и пасти табуны»³². Казацкие станицы крепили «на травах зеленых, на пепле, / На костях, на смертях, и веселую ладили жизнь / Под ясачным хоругвем ночных грабежей и разбоя»³³. Васильев не обольщается в отношении причин колонизации казахских степей: казаки и купцы жаждали новых земель и богатств и ради этого были готовы убивать и грабить, прикрываясь именем бога. Исследователь колониального дискурса в русской литературе Кукулин отмечает два значения у слова «колонизация» – освоение и аккультурация: «Главная задача аккультурации – эффективное управление населением, которое воспринимается как культурно и / или религиозно чуждое этносу, к которому принадлежат администраторы»³⁴.

В поэме выстраивается сквозная антитеза колониального дискурса **казаки – казахи**, т. е. **колонизаторы – колонизированные**. Образ казаков характеризуется символическими знаками смерти, убийств, уничтожения (пепел, кости, смерти, ночные грабежи и разбой)³⁵. Поэт использует антитезы **жизнь – смерть**: травы зеленые – пепел; веселая жизнь – кости, смерти; **вера – безбожные дела**: хоругвь – ночные грабежи, разбой. Сытая, веселая и вольная жизнь казаков зиждится на безбожии, смерти и крови.

Васильев рассказывает о жестоком произволе колонизаторов: о резне в казахских аулах, угоне казаками табунов лошадей, о похищении и изнасилованиях дикарок – полонянок скуластых:

И когда не хватало станичникам жен привозных,
 Снаряжались в аулы, чинили резню, табуны угоняли,
 Волокли полонянок скуластых за косы по травам
 И, бросая в седло, увозили к себе на тыны,
 Там, в постелях пуховых, с дикарками тешились вволю.
 Оттого среди русских чубатых иртышских станиц
 Тут и там азиатские водятся скулы,
 Узкий глаз азията и дугами гнутые ноги³⁶.

Для казаков захватываемые земли оказались «краем недобрым», «краем чужим», поскольку «дикие и раскосые степняки» отчаянно сопротивлялись:

Степняки и дики и раскосы, а метятся ладно.
 У Шаперого Яра на пузах они подползли,

³² Там же, с. 59.

³³ Там же, с. 58.

³⁴ И.В. Кукулин, «Внутренняя постколонизация...», с. 154.

³⁵ Z.K. Temirgazina, *Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations*, „World Applied Sciences Journal” 2013, vol. 24, no 6, p. 825.

³⁶ П.Н. Васильев, *Собрание сочинений*, т. 2..., с. 58.

Караульных прирезали, после ловили арканом,
Да губили стрелой, да с размаху давили конями³⁷.

Прииртышское казачество в российской империи выполняло функцию защиты завоеванных земель и функцию подавления бунтов казахов. Васильев сравнивает казаков с дозорными собаками: «Казаков же держали заместо дозорных собак / И с цепей спускали, когда бунтовали аулы»³⁸.

2. Оппозиция свой – другой в колониальном дискурсе васильева

В процессе колонизации казахов лишили этнонима – самоназвания ‘казахи’³⁹. Оно, на взгляд царской колониальной администрации, совпадало в произношении со словом казак, что вносило путаницу и могло неоднозначно восприниматься казачеством. Так, в официальных документах царской России казахов с XVI–XVII веков стали называть различными эвфемизмами: именем другого народа – «киргизами» или двойным наименованием – «киргиз-кайсаками»⁴⁰. Эта традиция сохранялась вплоть до тридцатых годов XX века. В поэме используются просторечные варианты: каргызы, кыргызы, киргизы, собирательное существительное каргызые.

Образ **других**, т. е. казахов, в поэме выстраивается через негативно-оценочные характеристики, звучащие в устах казаков: «степные дикари», «дикие», «дикарки», «орда косоглазая», «нехристи». Для казаков казахи – отсталый, дикий, варварский народ с чуждой религией. **Другой** трансформируется в колониальном дискурсе в образ **Чужого**. Васильев передает восприятие степняков казаками сугубо с точки зрения внешности: «косоглазая», «раскосые», «скуластые», «азиатские скулы», «узкий глаз азиата», «дугами гнутые ноги» и др. Эти внешние признаки с коннотациями презрения, пренебрежения выступают своеобразными знаками-метками **чужого**. Внутренний мир колонизируемых, их чувства не интересовали колонизаторов.

Противостояние **свой – другой** в азиатском фронтире Российской империи, как показывает Васильев, было обострено до предела. Конституирующей частью колониального дискурса здесь выступает не просто **другой**, а **чужой / враг**, который, в представлениях казаков, враждебен и опасен, несмотря на без-

³⁷ Там же, с. 57-58.

³⁸ Там же, с. 59.

³⁹ В XV веке наименование казах «приобрело в степи престиж, став узлом пересборки разбитых мусульманских родов, откочевавших к единоверцам-чингиздам и одним из самоназваний народа кочевых тюрков-мусульман. После успешных сражений этническое наименование ‘казак’ сохранилось в истории» (А. Избаиров, *История ислама в Казахстане* 2018, [в:] <https://kazislam.kz/> (23.01.2023).

⁴⁰ См. об этом: Н.Н. Сорока, *Крестьянские переселения и их влияние на экономику казахского кочевого аула Степного края второй половины XIX – начала XX вв.* Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Омск 2009, с. 4.

оружность, а потому особенно ненавистен. Казахско-русский фронт трансформирует оппозицию **свой – другой** в оппозицию **свой – враг**, эмоциональный тонус противостояния повышается до взаимной ненависти, приводящей в итоге к жестокому подавлению соляного бунта казахов-джатаков⁴¹ и массовому убийству безоружных женщин, детей, стариков.

Разорённые казахи, лишённые пастбищ и заливных прииртышских лугов, шли батрачить в казачьи станицы, нанимались грузчиками к купцам, а самые бедные, джатаки, отправлялись добывать соль на соляных озёрах⁴². Арсений Деров, «володатель солёных здешних озёр», призывает подавить бунт рабочих-казахов, напоминая казачеству, кто является хозяевами этой страны: «Кто владеет / Степной страной? / Нынче бунт соляной, – / Так что же, / Завтра будет / Бунт кровавой?»⁴³. Для него: «Казаки – / Зашшитники / От каргызья, / От степного / Хама / И вора!»⁴⁴. К **своим** в колониальном дискурсе Васильев относит не только Дерова и казачество, но и казахскую знать, предавшую интересы своего народа. Это было обычной практикой колониальной царской администрации: для укрепления своего положения она опиралась на отдельных представителей колонизированных народов из аристократического, богатого сословия. Степной владыка, бай Амильжан Хаджибергенов соглашается с необходимостью подавления бунта соотечественников: «А Хаджибергенов / Головой качает: / – Джаксы»⁴⁵.

Начиная резню-гульбу, казаки маскируют свою роль дозорных псов, которых Деров «спускает с цепи» для защиты своих капиталов, декларативными лозунгами о необходимости защиты царя и веры от нехристей: «Казаки!.. Нехристи! / Царя! Супротив! / Не допустим! / Братья! / С нами вера!»⁴⁶. Царево верноподданное воинство благословляет на убийства поп с прислужниками, которых поэт образно характеризует как «волчий косяк поповской сволочи»⁴⁷, последовательно используя в поэме метафору казаки – это волки. Атаман Ярков снимает все моральные ограничения для казаков и определяет бесчеловечную суть расправы над безоружными людьми: «Ну, ежели туда / Да доберемся, **баб не жалеть!**»⁴⁸. Сергей Поделков дал нравственную оценку этим персонажам как душегубам: «Оторопь, ненависть, отвращение вызывают атаман Корнила Ильич и володатель солёных озёр Арсений Деров из эпопеи “Соляной бунт”. Такие крайние чувства могут внушить только живые разбойники и душегубы»⁴⁹.

⁴¹ *Джатак* в переводе с казахского языка означает ‘бедняк’.

⁴² С.Г. Галаганова, *Поэма Павла Васильева “Соляной бунт”...*, с. 46-47.

⁴³ П.Н. Васильев, *Собрание сочинений*, т. 2..., с. 52.

⁴⁴ Там же, с. 45-46.

⁴⁵ Там же, с. 52. *Джаксы* в переводе с казахского языка означает ‘хорошо’.

⁴⁶ Там же, с. 62.

⁴⁷ Там же, с. 64.

⁴⁸ Там же, с. 68.

⁴⁹ С.А. Поделков, *Ему дано восстать и победить...*, [в:] Павел Васильев. *Стихотворения и поэмы*, Предисл., сост., подгот. текста С.А. Поделкова, Москва 1989, с. 4.

Неубедительными в этом отношении выглядят мнения некоторых современных российских исследователей, уже, казалось бы, свободных от классовых советских идеологем, о том, что Васильев является «певцом» казачества и даже заслужил право на обряд посвящения в казаки:

Право на посмертное ‘посвящение в казаки’ поэт заслужил своим творчеством. Сегодня, когда после его гибели прошло уже более восьмидесяти лет, можно утверждать, что в российской поэзии – ни до, ни после Васильева – не было никого, кто сумел бы столь мощно, столь талантливо, с такой достоверностью и любовью отобразить, воплотить, воспеть мир прииртышских степей и казачьих станиц⁵⁰.

Вряд ли поэт со своей нравственной позицией осуждения жестокости, убийств, злобы захотел бы посмертного «посвящения в казаки». Васильев не заслуживает приписки к какому-либо сословию, даже если кто-то хочет сделать своим его уникальный талант. В его художественном творчестве воплощаются общечеловеческие ценности, не ограниченные сословными или классовыми рамками.

Добыча соли в павлодарских озерах была прибыльным делом, потому что использовалась дешевая рабочая сила – обедневшие казахи-джатаки, которые фактически были рабами купцов-соледобытчиков. Им платили пять рублей в год, загоняя в долги. Условия работы были тяжелыми, казахи не могли прокормить свои семьи, которые голодали: «Страшна соль, / Как седина бела... / Тощи груди у женщин, / Нет молока, / Ни пригоршни хлеба нет...»⁵¹. За попытку сбежать казахов подвергали пыткам: «Казачий дозор / Порол святых, / Солью сдабривал порку, а где / Ловили беглых, держали их / Долгий час в соленой воде»⁵². В ответ на просьбу о хлебе и одеялах их заставили есть соль: «Вместо хлеба, чтобы жралось, / Соль заставили жрать»⁵³. Это не художественный вымысел поэта, а описание известных ему от очевидцев ужасающих фактов из жизни казахов.

Протест казахов был безмолвным, молчаливым; это был протест совершенно отчаявшихся и лишенных надежды людей.⁵⁴ Поэт продолжает углублять общую сквозную антитезу **свой – другой** в символической оппозиции **крики / громкая речь – молчание**. Казаки в поэме многословны, их речи громки и пафосны; в интенциональном отношении это большей частью активные речевые акты: призывы к действию, лозунги. Казахский аул Джатак поэт характеризует как молчаливый:

⁵⁰ С.Г. Галаганова, *Поэма Павла Васильева “Соляной бунт”...*, с. 42.

⁵¹ П.Н. Васильев, *Собрание сочинений*, т. 2..., с. 74.

⁵² Там же, с. 74.

⁵³ Там же, с. 74-75.

⁵⁴ Z.K. Temirgazina, *Cultural Scenarios of Emotions of Sadness, Sorrow and Grief*, „Middle-East Journal of Scientific Research” 13 (Socio-Economic Sciences and Humanities) 2013, p. 226-227.

Плыл и плыл полуденный дым.
Молчал Джатак
 В соляной петле.
Молча сидел под небом родным,
 Под ветром родным,
 На родной земле⁵⁵.

Особенно несправедливым, как показывает Васильев, было то, что казахи были обездолены, унижены и поруганы «на родной земле», «под родным небом», «под родным ветром». Поэт использует метафору «соляная петля», в которую попал аул и которая душит его жителей⁵⁶. «Соляная петля» лишила казахов голоса, сделала их молчаливыми. Молчание казахов позволяет автору выступать от их имени и выражать художественно-поэтическими средствами их мироощущение и мировидение. Если применить к анализу бахтинскую категорию полифонизма⁵⁷, то можно говорить о том, что в поэме звучат два основных «голоса», два сознания, две равноправные идейные позиции – казаков и казахов. Полноценность и равноправность голоса, т.е. сознания, казахов-джатаков обеспечивается тем, что их точку зрения выражает автор; казацкая «правда» представлена голосами персонажей: атамана Корнилы Ильича, купца Арсения Дерова, рядовых казаков и проч. Валерий Михайлов считает, что идейные истоки поэмы питаются современными поэту картинами жестокого голодомора 1932–1933 годов, ставшего результатом проводимой большевиками коллективизации. Картины массовой гибели казахов и крестьян он видел в своих поездках по стране. «Не оттого ли он так сочувствует дореволюционным степнякам, что его сердце болит от массовой гибели крестьянства в Казахстане, на Украине, в Поволжье, на Северном Кавказе, где людей косит голод?»⁵⁸. Таким образом, полифонизм поэмы проявляется в репрезентации двух противоположных «правд», двух идеологических позиций, которых придерживаются персонажи.

3. Казацкая гульба

На фоне молчаливого отчаяния безоружных казахов еще большими злодеяниями выглядят действия казачества. Васильев описывает их с такой художественной силой правды, которая доходит до натуралистичности в отдельных деталях. Казаки догнали в степи безоружных казахов с семьями, женами и детьми: «Увидали кочевники – нет путей: / Тыщи их, / Но нечем

⁵⁵ П.Н. Васильев, *Собрание сочинений*, т. 2..., с. 75.

⁵⁶ A. Albekova, Z. Kurmanova, Z. Temirgazina, *One more time about the heart. Naive anatomy in the Kazakh language in comparison with Russian and English*, „Przegląd Wschodnioeuropejski” 2021, XII (2), s. 471-472.

⁵⁷ М.М. Бахтин, *Проблемы творчества Достоевского*, [в:] М.М. Бахтин, *Проблемы творчества / поэтики Достоевского*, Киев 1994, с. 31.

⁵⁸ В. Михайлов, *Сердце нарассев...*, с. 22.

сразиться»⁵⁹. Ощувив свою безнаказанность, казаки полностью отдались угару убийств, зверея и теряя человеческий облик: «Дикошары, багроволицы, / Выпучив глаза / И губы скосив, / Ничего не видя / Перед собою»⁶⁰.

Далее в поэме одна за другой следуют сцены жестокого насилия и убийств – сцены казачьей гульбы. Вот убийство Федькой Палым старухи байбачи⁶¹: «И ну ее, ну / Клинком целовать / Во всю длину. / Выкатился глаз / Старушечий, грозен...»⁶². Устюжанины «резали наголо, / Подбирали пиками / То, что бегло»⁶³. Меньшиков «устал, по колена в крови: От крови / Красноногий сам, / И под ним / Краснобокий конь»⁶⁴. Казаки свирепы и глухи к мольбам о пощаде: «У таратаек же шла расправа – / Летали стаи плетей, / Бунтовщиков валили на травы, / Били до полусмерти, а те / Только поднимали руки: / – Не тронь!.. – / Но не упасет от убийц ладонь»⁶⁵. Безысходность в ожидании смерти, осознание беспощадности убийц заставляли казахских матерей совершать отчаянные поступки, граничащие с безумием: «Женщины бросали / Под копыта коней / Кричащие камни детских тел»⁶⁶.

Единственным, кто сохранил в себе остатки человечности, оказался Гришка Босой, у которого не поднялась рука зарубить казахскую девушку – «киргизскую Настю», знакомую его сестры. Атаман Корнила Ильич обвинил его в дружбе с киргизами: «Гольтыба! Киргизам / Попал в друзья!.. – / И раскрыл, глазами грозя, / Григорию плетью лоб»⁶⁷. В ответ атаман был зарублен Гришкой.

Павел Васильев показывает антигуманистическую суть поведения казачества: для них убийства людей – это забава, праздник, гульба, гульбище, что естественно: «И то вроде гульбища — масленой — гэ! / Плясать над ордой / Косоглазой — забава»⁶⁸. В поэме слово гульба многозначно. Во-первых, оно означает свадьбу, т.е. радостное событие, торжество («Он дождался **гульбы!** / И вот / Он дождался гостей звать!»⁶⁹); во-вторых, оно означает военное событие – подавление бунта («Что ли не ладно нам / Без помех / Сотней одной / Наводить **гульбу?**»⁷⁰). Сочетание таких абсолютно несовместимых вещей, как смерть, убийство и веселье, игра, забава делает образы казаков особенно страшными. Поэт последовательно моделирует амбивалентную метафору ‘смерть – это гульба / забава’: «сабли смеялись, сегодня их именины»⁷¹; «взяли на пики –

⁵⁹ П.Н. Васильев, *Собрание сочинений*, т. 2..., с. 80.

⁶⁰ Там же, с. 80.

⁶¹ *Байбача* – у казахов: уважаемая женщина, обычно в преклонном возрасте.

⁶² П.Н. Васильев, *Собрание сочинений*, т. 2..., с. 82.

⁶³ Там же, с. 81.

⁶⁴ Там же, с. 81.

⁶⁵ Там же, с. 84-85.

⁶⁶ Там же, с. 76.

⁶⁷ Там же, с. 85.

⁶⁸ Там же, с. 59.

⁶⁹ Там же, с. 44.

⁷⁰ Там же, с. 60.

⁷¹ Там же, с. 81.

как на играх»⁷²; «Саблей ее весело / По скулам»⁷³. Васильевская метафора близка к классическому понятию «пляски смерти», восходящему к средневековому смеховому карнавальному духу: «Что такое ‘пляски смерти’, столь популярные в изобразительном искусстве средневековья, – страшное или смешное? Видимо, это карнавализация страшного. На наш взгляд, всей культуре средневековья в той или иной мере присуща – двойственность, амбивалентность...»⁷⁴. Поэт использует прием «карнавализации» массового убийства, изображая его как праздник и как торжество смерти – казацкую гульбу. Радостное упоение кровью ощущают «откормленные, розовые, еще с щенячьим рыльцем казачата, которые рубили, от радости / Чуть не плача / По черным, раскрытым, / Орущим ртам»⁷⁵. Сомнительными, особенно в свете последних геополитических событий, выглядят рассуждения некоторых исследователей, противопоставляющих отношение к убийству русских крестьян и казаков:

Русский воин никогда не упивался человеческой кровью (пусть и вражеской), не хмелел (“от радости чуть не плача”) от убийства себе подобных. Поэтому патологическая, временами граничащая с садизмом жестокость казачьих рубок отпугивала крестьян, вызывала психологическое отторжение⁷⁶.

Казаки при подавлении бунта руководствовались и корыстными соображениями – надеждой поживиться за счет грабежа казахов:

Потянулись домой,
 Но позади
 Нету добычи.
 Кто поживится
 Киргизской сумой?
 Хоть пограбить –
 И славный обычай!⁷⁷

Вряд ли можно считать певцом казачества поэта, написавшего следующие строки о смерти атамана Яркова, зарубленного Григорием Босым:

Так вот лежи!
 Слепешарый вояка,
 Ты – убивавший –

⁷² Там же, с. 80.

⁷³ Там же, с. 82.

⁷⁴ А. Гуревич, *Смех в народной культуре средневековья*, «Вопросы литературы» 1966, № 6, с. 208.

⁷⁵ П.Н. Васильев, *Собрание сочинений*, т. 2..., с. 81.

⁷⁶ С.Г. Галаганова, *Поэма Павла Васильева “Соляной бунт”...*, с. 54.

⁷⁷ П.Н. Васильев, *Собрание сочинений*, т. 2..., с. 90-91.

Убит, убит.
Ты не услышишь,
Как утка закрывает
И селезень
Вслед за ней прошумит⁷⁸.

Беспощадный главарь убийц и грабителей – вот кем предстает Ярков в глазах читателей. Атамана настигло возмездие за его черные деяния: «Ты – убивавший – убит, убит»; характеристика «слепошарый вояка» несет коннотацию презрения. Лирический герой противопоставляет атаману-убийце жизнь, которая идет своим чередом вокруг убитого: криканье уток, шум селезня – все те ее признаки, которые он теперь не услышит, не увидит, потому что был на стороне смерти, а не жизни.

Заключение

В поэме Васильева отражена колониальная сущность российского завоевания казахской степи. Автор разнообразными художественными средствами воплощает основную оппозицию **казаки – казахи**, выступающую неотъемлемым элементом колониального дискурса и приобретающую максимально обостренную интерпретацию в поэме: **другой** – это **враг**, которого надо уничтожить. Васильев изображает античеловеческую сущность казачества – «верных псов» царской империи, грабящих колонизированный народ, беспощадно подавляющих бунты; купцов, наживающихся на захвате территорий; духовенства, поддерживающего казаков в их грабежах и разбоях. Страшными, натуралистическими подробностями насыщены сцены расправы-гульбы казаков над безоружными казахами, женщинами, стариками и детьми.

Михайлов считал достоинствами поэмы эпичность, реалистичность в изображении исторических событий, эмоциональность авторской позиции:

Вот так, как песня над судьбой, поднимался и эпос Павла Васильева – могучий ‘Соляной бунт’ (1932-1933)! Яркая, широкая, буйная, правдивая картина предреволюционной казачьей жизни, написанная с необыкновенной изобразительной силой. Полотно, замешанное на крови солёной: беспощадное к крови своей и вере – и полное сочувствия к степнякам-казахам⁷⁹.

Элеонора Шафранская (2020) проводит связующие идейные нити между литературой XIX-XX веков и современным сознанием россиян, обнаруживая в произведениях русских писателей канон будущего «русского мира» для завоеванных Российской империей территорий Средней Азии. По ее мнению,

⁷⁸ Там же, с. 87.

⁷⁹ В. Михайлов, *Сердце нарастев...*, с. 22.

память о колониальном проекте в Туркестане, его деталях, массово растиражированная в российской литературе, пропаганде, мифологии повседневности, отложилась в русском сознании в виде оправдательного стереотипа, который подпитывает чувства «патриотов» по сей день⁸⁰. Антон Ихсанов пишет об актуальности изучения колониальных и неоколониальных тенденций в постсоветском пространстве, в том числе в Казахстане:

Для молодого поколения казахских исследователей представление их этноса как экзотического, да еще с отсылкой на концепцию ‘дружбы народов’ – оправдания подчинения способу мышления из ‘центра’, – представляется попыткой вновь ‘отобрать их голос’. Для них это как минимум повод вспомнить Саида и начать разговор о ‘неоколониализме’. В России же эти понятия не отрефлексированы, не осознаны, а потому возмущение соседей вызывает удивление и непонимание⁸¹.

Необходимость изучения колониального дискурса в поэме Васильева *Соляной бунт* обусловлена и тем, что в ней прослеживаются идеологемы, значимые для сегодняшней идеи «русского мира», которые важно знать и понимать современному читателю.

References

- Abashin S., *Vereshchagin bez kolonializma: kak postsovetskaya Rossiya ne otmechayet 150-letniye zavoyevaniya Sredney Azii*, „Novoye literaturnoye obozreniye” 2020, t. 161, № 1, [v]: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21985/.
- Albekova A., Kurmanova Z., Temirgazina Z., *One More Time about the Heart: Naive Anatomy in the Kazakh Language in comparison with Russian and English*, „Przegląd Wschodnioeuropejski” 2021, XII (2).
- Bakhtin M., *Problemy tvorчества Dostoevskogo*, [v:] M. Bakhtin, *Problemy tvorчества / poetiki Dostoevskogo*, Kiyev 1994.
- Bakhtin M., *Otvet na vopros redaksii “Novogo mira”*, [v:] M. Bakhtin, *Sobraniye sochineniy*, t. VI, Moskva 2002.
- Bakuła B., *Rosyjska dyskusja postkolonialna w latach 2000-2018*, „Miscelanea Posttotalitariana Wratislaviensia” 2020, t. 8.
- Bruneniyetse I., Sidiyakov L., *Metodologiya i metodika istoriko-literaturnogo issledovaniya*, „Voprosy literatury” 1985, № 2.
- Fast P., *Rosja: imperium i literatura*, „Przegląd Rusycystyczny” 2022, nr 4.
- Fomin I.A., *Orientalistskiy diskurs v rannesovetskoy khudozhestvennoy literature o Sredney Azii*, «Kunstkamera» 2021, t. 4, № 14.

⁸⁰ Э.Ф. Шафранская, *О русском ориентализме...*

⁸¹ А. Ихсанов, *Предисловие*, [в:] Э.В. Саид, *Ориентализм. Современная критическая мысль*, Москва 2021, с. 5.

- Galaganova S.G., *Poema Pavla Vasil'ieva "Solyanoy bunt": khudozhestvennoye svoyeobrazie i istoricheskiy kontekst*, „Kazachestvo, Geopolitika i patrioticheskoye vospitaniye” 2020, № 46.
- Geraci R., *Okno na Vostok. Imperiya, oriyentalizm, natsiya i religiya v Rossii*, per. s angl. V. Goncharova, Moskva 2013.
- Gor'kiy M.A., *O literature: stat'i i rechi. 1928-1935 gg.*, Moskva 1935.
- Gurevich A., *Smekh v narodnoy kul'ture srednevekov'ya*, «Voprosy literatury» 1966, № 6.
- Izbairov A., *Istoriya islama v Kazakhstane* 2018, [v:] <https://kazislam.kz/>.
- Ikhsanov A., *Predisloviye*, [v:] E.V. Said, *Orientalizm. Sovremennaya kriticheskaya mysl'*, Moskva 2021.
- Khomyakov V.I., *Khudozhestvennaya kartina mira v tvorchestve P. Vasil'ieva: iz istorii mirovozzrencheskikh i stilevykh iskaniy v russkoy poezii 1920-1930-kh godov*. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni doktora filologicheskikh nauk, Moskovskiy gosudartsvennyy universitet im. M. Lomonosova, Moskva 2007.
- Kukulin I.V., *"Vnutrennyaya postkolonizatsiya": formirovaniye postkolonial'nogo soznaniya v russkoy literature 1970-2000 godov*, „Politicheskaya kontseptologiya” 2013, № 2.
- Lotman Yu.M., *Problema Vostoka i Zapada v tvorchestve pozdnego Lermontova*, [v:] *Lermontovskiy sbornik*, Leningrad 1985.
- Madzigon T.M., *K voprosu ob ideyno-khudozhestvennom sodержanii poemy P. Vasil'ieva "Solyanoy bunt"*, [v:] «Filologicheskiiy sbornik» 1966, № 5, Alma-Ata.
- Maken Ye.Z., Ibrayev S.I., *Pravda i mify o Yermake v trudakh M.K. Kozybayeva*, [v:] *Materialy respublikanskoй nauchno-prakticheskoy konferentsii 'Kozybayevskiy chteniya-2006'*, t. 1, Petropavlovsk 2006, [v:] <https://e-history.kz/ru/seo-materials/show/29882>.
- Malinovskiy A., *Kharkivs'kiy tekst ukrains'koй literaturi v konteksti frontirnoй identichnosti (G. Kvitka-Osnov'yanenko)*, „Slavia Orientalis” 2022, t. LXXI, nr 1.
- Mikhaylov V., *Serdtse naraspev (K 100-letiyu Pavla Vasil'ieva)*, 2005, [v:] <http://bibliotekar.kz/serdce-naraspev-valerii-mihailov/serdce-naraspev.html>.
- Ruscystyczne Studia Literaturoznawcze. Praktyki postkolonialne w literaturze rosyjskiej*, t. 28, red. B. Pawletko, A. Polak, Katowice 2018.
- Podelkov S.A., *Yemu dano vosstat' i pobedit'...*, [v:] *Pavel Vasil'iev. Stikhotvoreniya i poemy*, predisl., sost., podgot. teksta S.A. Podelkova, Moskva 1989.
- Popova N.V., *Elementy semeynoy obryadovoy poezii v epicheskoy poeme P. Vasil'ieva "Solyanoy bunt"*, «Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya» 2014, № 6.
- Popova N.V., *'Rodovoye nachalo' v poezii Pavla Vasil'ieva*, «Problemy istoricheskoy poetiki» 2014, № 12.
- Rubtsova Ye.V., *Vyrazheniye npravstvenno-esteticheskoy pozitsii P. Vasil'ieva v poeme "Solyanoy bunt"*, „Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya” 2015, t. 1, № 1, [v:] <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18467>.
- Shafranskaya E.F., *Kolonial'naya i postkolonial'naya literatura: terminologiya i sodержaniye*, «Filologiya i kul'tura” 2019, № 1, vyp. 55.
- Shafranskaya E.F., *O russkom oriyentalizme, «russkom mire» v kolonial'noy literature i ikh pereosmyslenii v literature postkolonial'noy*, „Novoye literaturnoye obozreniye” 2020, vyp. 161, № 1, [v:] https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21984/.
- Smelyakova S., *Kharakter i mistika. Po poemam P. Vasil'ieva "Pesnya o gibeli kazach'yego voyska" i "Solyanoy bunt"*, «Prostor» 1991, № 10, Alma-Ata.

- Soroka N.N., *Krest'yanskiye pereseleniya i ikh vliyaniye na ekonomiku kazakhskogo kochevogo aula Stepnogo kraya vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata. istoricheskikh nauk, Omsk 2009.
- Stepanov N., *Retsenziya na poemu P. Vasil'ieva "Solyanoy bunt"*, «Literaturnyy sovremennik» 1954, № 4.
- Temirgazina Z.K., *Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations*, „World Applied Sciences Journal” 2013, vol.24, nr 6.
- Temirgazina Z.K., *Cultural Scenarios of Emotions of Sadness, Sorrow and Grief*, „Middle-East Journal of Scientific Research” 2013, vol. 13, (Socio-Economic Sciences and Humanities).
- Temirgazina Z.K., Ibrayeva Zh.B., *Nablyudatel' v poeticheskom narrative (na primere stikhotvoreniy P. Vasil'ieva)*, «Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya» 2021, № 72.
- Tolz V., *Russia's own Orient: The politics of identity and Oriental studies in the late imperial and early Soviet periods*, Oxford, New York 2011.
- Thompson E., *Trubaduri imperii: Rosiys'ka literatura i kolonializm*, per. z angl. M. Korchins'koï, Kiïv 2006, [v:] <http://litopys.org.ua/thompson/tom.htm> .
- Vasil'iev P.N., *Sobraniye sochineniy*, t. 1, *Stikhotvoreniya*, Almaty 2009.
- Vasil'iev P.N., *Sobraniye sochineniy*, t. 2, *Poemy. Proza. Pis'ma*, Almaty 2009.
- Vilor N.A., *"Solyanoy bunt" Pavla Vasil'ieva i osobennosti poemnogo zhanra v poezii nachala 30-kh godov*, «Voprosy russkoy literatury. Uchenyye zapiski» 1970, № 56, Omsk.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зифа Темиргазина (Zifa Temirgazina) – доктор филологических наук, профессор Высшей школы гуманитарных наук Павлодарского педагогического университета имени Алькея Маргулана, Казахстан. **Избр. публикации:** З. Темиргазина, *Народная демонология в поэзии Павла Васильева*, „Сборник Матице српске за славистику” 2022, № 101, с. 301-317; З. Темиргазина и др., *С кем мы сравниваем уродливых людей? Эталоны уродства в русском языке*, „Slavia Centralis” 2022, t. 15 (1), s. 138-154; З. Темиргазина, *Эпитет «крутой» в лирике Павла Васильева: соотношение общезыковой и окказиональной семантики*, „Przegląd Rusycystyczny” 2023, nr 1, t. 181, s. 123-142; З. Темиргазина, О. Андриющенко и др., *Специфика ориенталистских мотивов в творчестве Павла Васильева – поэта азиатского фронта*, „Oriental Studies” 2023, т. 16, № 1, с. 232-244.

ORCID: 0000-0003-3399-7364

Email: temirgazina_zifa@pspu.kz